

УДК 94

DOI 10.25513/2312-1300.2017.4.92-101

А. В. Гельвих

«ПРОЛЕТАРСКАЯ НАУКА» А. А. БОГДАНОВА: КОММУНИКАТИВНАЯ УТОПИЯ НА СЛУЖБЕ УТОПИИ СОЦИАЛЬНОЙ

Анализируется концепция «пролетарской науки» выдающегося российского общественного деятеля, одного из лидеров раннего большевизма, автора работ по экономике, философии и медицине Александра Александровича Богданова (Малиновского). Предпринимается попытка реконструкции интеллектуальных истоков идей Богданова и их развития в рамках двух интеллектуальных проектов: философской системы эмпириомонизма и так называемой «всеобщей организационной науки» – тектологии. Рассматривается отношение «пролетарской науки» как сциентистской коммуникативной утопии к историческим проектам социальных преобразований.

Ключевые слова: Александр Богданов; философия науки; эмпириомонизм; тектология; марксизм; позитивизм; утопия

A. V. Gelvikh

A. BOGDANOV'S "PROLETARIAN SCIENCE": THE COMMUNICATIVE UTOPIA AS THE PRECONDITION OF SOCIAL UTOPIA

The purpose of this paper is to consider the philosophy of science of Alexander Bogdanov (Malinovsky) – Lenin's early bolshevik rival, marxist philosopher and science fiction writer. The "proletarian science" concept as the crucial part of Bogdanov's main intellectual projects – empiriomonism and the "universal organizational science" – tectology, is in the spotlight. The paper affirms that the project of "proletarian science" can be described as the communicative utopia which is the necessary precondition and the integral part of Bogdanov's social utopia.

Keywords: Alexander Bogdanov; philosophy of science; empiriomonism; tectology; marxism; positivism; utopia.

Фигура Александра Александровича Богданова (Малиновского) остаётся практически неизвестной современному российскому читателю. Имя партийного лидера, считавшегося некогда вторым человеком и основным конкурентом Ленина за влияние в РСДРП(б)¹, после поражения в этой борьбе было вымарано из официальной версии истории большевизма. Советским студентам Богданов был известен разве что как автор «реакционной философской доктрины», разгрому которой была посвящена одна из наиболее известных работ Ленина – «Материализм и эмпириокритицизм» [2], уже после, в 1930-е гг. превращённая из случайного полемического текста в основополагающий фи-

лософский манифест советской версии диалектического материализма.

Однако даже самого общего знакомства с биографией и творчеством Богданова достаточно для того, чтобы удостовериться, что его значение далеко не исчерпывается тем, что он был одним из оппонентов Ленина. Автор работ по экономике и философии, популярных научно-фантастических романов «Красная звезда» и «Инженер Мэнни», создатель «всеобщей организационной науки» – тектологии (предвосхитившей многие ключевые положения кибернетики и общей теории систем), теоретик пролеткульта, инициатор создания Социалистической академии, медик-исследователь, основатель первого

в мире института переливания крови, погибший в результате эксперимента на самом себе... Столь впечатляющий список сфер деятельности вкупе с яркой биографией на протяжении последних десятилетий привлекали внимание ряда российских и зарубежных исследователей – специалистов по политической истории, истории общественной мысли, науки и философии. Они же, представляя собой удобный материал для разного рода спекуляций, стали предметом внимания публицистов самых разных политических взглядов².

Исключительная широта теоретических интересов Богданова (от экономики до эпистемологии, от практической медицины до философии науки) и разнообразие точек приложения его кипучей энергии могут привести к замешательству: каким образом одному человеку удавалось реализовать проекты в столь, казалось бы, слабо связанных областях, и, главное, что направляло его интерес к ним? Знакомство с текстами и обстоятельствами жизни Богданова позволяет сделать вывод о наличии некоторого центрального, интегрального интереса, который лишь проецировался на различные сферы деятельности. Сложно не согласиться со мнением историка науки Николая Леонидовича Кременцова, посвятившего Богданову книгу «A Martian Stranded on Earth...»: «...ключевым “организационным принципом”, который объединял разнообразные активности Богданова, был его концепт пролетарской науки: чем наука является и чем она предположительно будет являться в социалистическом обществе» [6, р. 5]. Однако важным представляется указать на то, что круг проблем, связанных с разработкой концепции «пролетарской науки» Богдановым, выходит далеко за рамки поиска ответов на вопросы о формах существования академической науки в условиях грядущего социалистического общества. Данная концепция выводилась Богдановым из его взглядов на эпистемологию, философию истории и теорию исторического прогресса и, как мы постараемся показать ниже, была важнейшей частью утопической деонтологии Богданова. «Пролетарской науке» Богданов отводит роль ключевого средства создания нового человека, важнейшего организатора нового общества. Вместе с тем развитие научного знания представляется

Богданову целью, имеющей самостоятельное значение; более того, оно является основным критерием исторического прогресса. Цели развития науки, по мнению Богданова, в значительной степени должна быть подчинена деятельность общества в целом.

Представляется, что философия науки Александра Богданова может представлять интерес не только для исследователей его творчества или для историков российской социал-демократии. Во взглядах Богданова нашли своё предельное выражение некоторые интеллектуальные тенденции, в высшей степени характерные для его эпохи: характерное для позитивизма стремление к организации всех форм знания по образцу естественных наук и связанные с ним попытки разработки собственного наукообразного языка для описания социальной реальности, поверхностное представление об актуальных исследовательских практиках и, как следствие, идеализация науки; «утопическое проектирование» как основной исследовательский метод; стремление к «мировоззренческому монизму» и «всеобщему синтезу» и т. д.

Реконструкции интеллектуальных истоков теории «пролетарской науки» Богданова и её развитию посвящена данная работа.

Философия науки, на протяжении десятилетий оставаясь для Александра Богданова одной из важнейших сфер теоретических интересов, последовательно развивалась в рамках двух интеллектуальных проектов: в 1900-е и 1910-е гг. – эмпириомонизма (философской системы, представляющей собой своеобразное марксистское прочтение эмпириокритицизма Э. Маха и Р. Авенариуса), в 1920-е гг. – «всеобщей организационной науки» тектологии (разработка которой была связана с отказом от эмпириомонизма и интеграцией отдельных его положений в новую теорию).

В последние годы XIX в., будучи студентом (сначала естественного отделения физико-математического факультета Московского университета, а затем, после исключения из него за участие в народническом кружке – медицинского факультета Харьковского университета), Александр Богданов увлекается экономикой и философией, – областями знания, находящимися в центре внимания российской революционной молодёжи рубежа веков. Первая серьёзная публикация

Богданова – «Краткий курс экономической науки» (1897) – сделала его известным не только в среде революционных активистов, но и в широких кругах (Богданов даже был признан «наиболее читаемым автором-обществоведом» по данным опроса, проведённого среди учащихся средних учебных заведений в 1903 г., см.: [7, с. 62]) и была благоклонно принята критиками. В частности, высоко оценил работу Богданова Ленин: «Книга г-на Богданова представляет замечательное явление в нашей экономической литературе... Мы намерены поэтому в настоящей заметке обратить внимание читателей на выдающиеся достоинства этого сочинения... Главное достоинство “курса” господина Богданова – полная выдержанность направления (марксистского. – А. Г.) от первой до последней страницы книги» [8, с. 35].

Сделав себе имя в качестве популяризатора экономической науки и работая в кружках рабочего самообразования, для которых он написал ряд популярных брошюр, Богданов обращается к философии и публикует в журнале «Вопросы философии и психологии» несколько статей, позже вошедших в его сборник «Эмпириомонизм» (1904–1905). В 1902 г. в вологодской ссылке вокруг Богданова складывается группа литераторов-марксистов (В. А. Базаров, А. В. Луначарский, С. А. Суворов), испытавших влияние актуальных направлений западной философии: энергетизма, ницшеанства и, особенно, эмпириокритицизма. В 1904 г. группа заявляет о себе выпуском сборника «Очерки реалистического мировоззрения», инициировавшего новый виток полемики с представителями двух конкурирующих философских платформ, существовавших в это время в российской социал-демократии: материалистов-ортодоксов (Г. В. Плеханов, В. И. Ленин и др.) и идеалистов (П. Б. Струве, Н. А. Бердяев и др.).

Необходимо отметить, что российские академические философы игнорировали работы Богданова – рецензии на них появлялись лишь в партийной печати. В начале XX в. марксизм ещё не воспринимался академическим сообществом как достойная серьёзного обсуждения интеллектуальная школа, а влияние определённых положений Маркса из всех университетских дисциплин

было заметно только в политической экономике (в России одним из пионеров применения марксистских подходов в академических исследованиях был М. И. Туган-Барановский). Отсутствие дискуссии между представителями академического сообщества и «партийных» науки и философии вело к определённой интеллектуальной изоляции последних. Следствием этого было, в частности, то, что Богданов, в мировоззрении которого науке отводилась центральная роль, имел весьма приблизительное представление о современных ему исследовательских практиках.

Уже в первых философских работах Богданова проявилось стремление к построению целостного, непротиворечивого, «монистического мировоззрения», крайне характерное для интеллектуальной культуры русского революционного движения того времени. Так, ведущий идеолог революционного народничества В. М. Чернов отмечал, что революционеры стремились к построению теоретических конструкций, в рамках которых «вся совокупность человеческих норм – как теоретических, так и практических, как логических, так и этических – должна быть охвачена в едином синтезе» [9, с. 120]. Особенностью «монистического мировоззрения» Богданова являлось то, что он под влиянием философии эмпириокритицизма стремился к преодолению традиционных для западной философии фундаментальных оппозиций («причина – следствие», «субъект – объект познания» и т. д.) и нахождению универсальных, «сквозных» принципов организации реальности, охватывающих все её уровни: от мира физических объектов до мира психических явлений.

В первой своей философской работе «Основные элементы исторического взгляда на природу» (1899) Богданов, находившийся на рубеже веков под влиянием идей энергетизма (учения, в основе которого природа мира физических явлений описывалась не в терминах изменений материи – от этой концепции энергетизм стремился отказаться, а в терминах преобразования энергии – субстанциальной и динамической первоосновы мира), противопоставил традиционному дуализму причины и следствия понимание, заключающееся «в признании количественного равенства и существенного тождества причи-

ны и следствия, как двух стадий одного непрерывного процесса» [10, с. 38]. В соответствии с эмпириокритической³ эпистемологией Э. Маха и Р. Авенариуса, единственной доступной познающему субъекту реальностью Богданов называет опыт. Континуальность восприятия так называемых физических (относимых субъектом к миру наблюдаемых, «внешних» явлений) и психических (относимых к сфере внутренних восприятий субъекта) «элементов опыта», их сущностное единство противопоставляется в данной перспективе дуализму познающего субъекта («сознания») и познаваемого объекта («материи»), свойственного как различным школам идеалистической философии, в том числе неокантианству, набравшему в начале XX в. популярность в российской социал-демократической среде (подробнее см.: [12; 13]), так и «механистическому» материализму ортодоксальных марксистов-плекхановцев: «Различие сознания и внешней природы есть только внешнее различие, строгой границы между ними нет; они сливаются в неразрывном единстве мирового процесса» [10, с. 133].

Вместе с тем, опираясь на эмпириокритическую эпистемологию, Богданов выступает с критикой и дополнением отдельных положений Маха и Авенариуса. В частности (по словам российского историка философии В. С. Степина), в соответствии с принципом Маркса, согласно которому объект даётся познающему субъекту не в форме созерцания, а в форме практики [11, с. 27] (прежде всего – экономической деятельности), носящей коллективный, социальный характер, Богданов выдвигает тезис об необходимости признания коллектива, а не индивидуума, субъектом познания.

Развитие эмпириокритической теории познания в «полноценное коллективистское мировоззрение», считает Богданов, возможно только при соединении её с отдельными элементами марксизма (прежде всего, с учением о зависимости идеологической «надстройки» от экономического «базиса») и может быть достигнуто только в рамках зарождающейся интеллектуальной культуры пролетариата – класса, представители которого в своей производственной деятельности вовлечены в повседневные массовые взаимодействия, способствующие выработке коллективист-

ского сознания. Богданов предлагает своего рода «классовую эпистемологию»: именно пролетариату, утверждает он, свойственно «динамичное понимание элементов опыта» [14, с. 105], а «коренная однородность трудовых переживаний во время выполнения коллективного производственного процесса, неизмеримо превосходящего всякие индивидуальные силы, сближает и связывает пролетариев несравненно теснее, чем простое объединение их массами в крупных предприятиях, которое только усиливает и закрепляет эту связь» [14, с. 117–118]. Пролетарская культура призвана вобрать в себя, переработать и обобщить коллективный опыт всех предшествующих поколений. Своего рода абсолютным коллективом является для Богданова человечество в целом: «Классовое пролетарское мировоззрение – зародыш всечеловеческой идеологии будущего общества – по своей сущности представляет коллективизм, – полный, решительный коллективизм практики и познания... пролетарий освобождается от бесчисленных индивидуалистических иллюзий, порождаемых в современном человеке экономической анархией общества... Человечество выступает перед ним, как гигантская система сотрудничества людей в пространстве и времени, как высшая жизненная форма, развивающаяся к стройному, активному единству... Коллективизм опыта, познания, творчества мы считаем необходимым развитием и завершением коллективизма социально-экономического, т. е. научного социализма» [15, с. 5–6].

Выдвижение тезиса об «эпистемологическом коллективизме» позволяет Богданову противостоять обвинениям в субъективном идеализме и даже солипсизме, нередко выдвигавшимися против Маха и Авенариуса их оппонентами. Для Богданова «социально организованный» опыт, т. е. выраженный в «идеологии» (это понятие у Богданова охватывает всю совокупность явлений, принадлежащих к интеллектуальной и культурной сферам на данном этапе их исторического развития) интересубъективный опыт, не только обуславливает содержание «индивидуально организованного» опыта, но и является единственным критерием, позволяющим оценивать истинность и ложность тех или иных утверждений: «Характеристика “объек-

тивности” вообще не может иметь своей основной индивидуальной опыт – ни устойчивость его сочетаний, ни гармонию результатов деятельности с исходными данными опыта. Основа “объективности” должна лежать в сфере коллективного опыта» [16, с. 25].

Уравнивая «объективное» с «интерсубъективным», Богданов приходит к тезису об исторической относительности истины. Она может существовать только в контексте текущего уровня знаний (который, в свою очередь, для марксиста Богданова обуславливается состоянием производительных сил и производственных отношений) и, фактически, объявляется не более чем культурно-исторической конвенцией. Критикуя претензии материалистов на обладание «объективной истиной», он пишет: «Основные понятия старого материализма – и “материя”, и “неизменные законы” – выработаны в ходе социального развития человечества, и для них, как “идеологических форм”, надо было найти “материальный базис”. Но так как “материальный базис” имеет свойство изменяться с развитием общества, то становится ясным, что всякие данные идеологические формы могут иметь лишь исторически-преходящее, но не объективно-надисторическое значение, могут быть “истиной времени” (объективной истиной, но только в пределах известной эпохи), – а ни в коем случае не “истиной на вечные времена” (“объективной” в абсолютном значении слова)» [17, с. 3–4].

В своём отрицании «истины на все времена» Богданов не сделал исключения не только для материалистической философии, но и для учения Маркса. Очевидный и сознательный ревизионизм Богданова по отношению к ортодоксальному марксизму, однако, не мешал большевикам из числа оппонентов сотрудничать с ним в политической области вплоть до 1908 г., когда, в результате обострения борьбы за влияние внутри фракции, теоретическая полемика выплеснулась на страницы партийной печати. Разоблачению «реакционной и антимарксистской сущности» идей Богданова был в значительной степени посвящён знаменитый ленинский труд «Материализм и эмпириокритицизм» (1909).

В своей работе Ленин, около года интенсивно изучавший философию в Лондонской

библиотеке специально для того, чтобы дать бой «махистам», избрал грубую, но эффективную в условиях внутрипартийной борьбы риторическую стратегию: упрощение и язвительную критику идей оппонентов, а также весьма резкие высказывания в их адрес. Большевистский лидер не только поставил знак равенства между эпистемологией «махистов» и субъективным идеализмом Дж. Беркли, но и обрушился с острой критикой на тезис об исторической относительности истины: «Физический мир существует независимо от человечества и от человеческого опыта, физический мир существовал тогда, когда никакой “социальности” и никакой “организации” человеческого опыта быть не могло... Мы останавливаемся теперь на изобличении махистской философии с другой стороны: объективность определяется так, что под это определение подходит учение религии, несомненно обладающее “общезначимостью” и т. д.» [2, с. 125]. Вскоре после (но не в результате) публикации «Материализма и эмпириокритицизма» Богданов был вынужден оставить претензии на лидерство в партии, и с 1911 г. он отходит от активного участия в революционном движении и посвящает себя теоретической работе⁴.

Проблематика соотношения научного и философского знания оставалась в фокусе внимания Богданова как в первый период его творчества, когда его центральным интеллектуальным проектом была разработка эмпириомонизма, так и в 1920-е гг., когда это место заняла тектология. Однако теоретическое разрешение этой проблемы не оставалось неизменным, что видно уже из позиционирования данных идейных проектов: если эмпириомонизм был философской доктриной, то тектология заявляла о себе как о науке, (пусть и своего рода «метанауке», призванной прояснить общие закономерности любого научного знания и установить иерархическую систему взаимосвязи между дисциплинарными областями).

Неизменным на протяжении всего периода интеллектуальной активности Богданова оставалась его приверженность позитивистскому представлению (унаследованному Махом и Авенариусом от «первого позитивизма» О. Конта, теория которого, в свою очередь, восходила к идеям его учителя

А. Сен-Симона) о трёх последовательно сменявшихся друг друга эпохах развития человечества, соответствующих трём доминирующим формам знания: религиозной, метафизической (философской) и научной (позитивной). В своём стремлении синтезировать эмпириокритицизм с марксизмом Богданов соотносит их не только с общественно-экономическими формациями, но и с тремя типами (одновременно интеллектуальной и политической) культуры: авторитарным, индивидуалистическим и коллективистским.

Докапиталистическим экономическим формациям соответствует религиозная форма познания и авторитарная культура. Религиозное сознание, утверждает Богданов, создаёт целостную, но бедную содержанием картину мира, основанную не на убедительности своих положений, а на системе трансцендентных авторитетов. Необходимо отметить, что критика «архаичного» религиозного сознания, в том числе таких его проявлений, как авторитаризм в политике и преклонение перед авторитетами в интеллектуальной сфере, имела для Богданова не только теоретическое, но и прикладное значение: она использовалась в полемике против ортодоксального марксизма. Отвечая на обвинения в грехе ревизионизма, Богданов указывал на преклонение своих оппонентов перед основателями и «священными книгами»: «Скажите, наконец, – вопрошал он, – прямо, что такое марксизм, наука или религия? Если наука, то каким образом, когда все другие науки за эти десятилетия пережили огромные перевороты, он один остался неизменным?» (цит. по: [19, с. 43]).

Развитие капиталистической формы производства и товарной экономики с присущим ей разделением труда приводит к снижению роли авторитетов, – как в сфере политики, так и в сфере знания, – и развитию спекулятивной философии как ведущей формы сознания. Вместе с тем капитализм, с присущим ему экономическим хаосом и частной собственностью на средства производства, порождает специализацию и индивидуализм.

Разделению труда в сфере экономической в сфере интеллектуальной соответствует специализация знания и становление постоянно усложняющейся системы научных дис-

циплин. Она имеет как прогрессивные (рост темпов приращения знания), так и отрицательные стороны. Появление в науке типа «специалиста», «человека с узким, односторонним опытом, рутинными методами, полным непониманием природы и жизни в целом» [20, с. 260], совершенно беспомощного за пределами своей узкой компетенции, и становление множества эзотерических дисциплинарных языков имеют своими следствиями не только перепроизводство знания и невозможность его интеграции в целостную монистическую картину мира, но и рост эксклюзивности, элитарности научного знания: «Пока она (специализация. – А. Г.) ещё господствует, единство науки невозможно, социальный опыт остаётся раздробленным, неорганизованным в своём целом. Из такого положения вещей и возникает потребность в философии» [20, с. 262].

Функции философии Богданов (периода эмпириомонизма) понимал в весьма позитивистском духе: если в прошлом умозрительные философские построения не только служили обобщению скудных научных знаний о мире, но и могли вдохновлять новые научные видения и практики, то в настоящее время, утверждал Богданов, философия может лишь упорядочивать и интегрировать в единое целое производимое специализированными дисциплинами позитивное знание: «Философия есть область гипотез, которые основываются на последних обобщениях науки, но идут дальше их и имеют своей задачей установить единство, целостность в познании» [20, с. 210]. Заполняя лакуны позитивного знания временными спекулятивными конструкциями, философия будет, по мере развития научного знания, «частью просто отпадать как ненужная больше, частью переходить в содержание монистической науки» [20, с. 216]. Позже, в 1920-е гг., Богданов отказывается философии и в способности выполнять функцию организатора знания: появление тектологии должно было знаменовать переход к эпохе, когда научное знание в состоянии будет организовывать себя самостоятельно. Сциентизм Богданова обусловил и особенности его языка: для выражения философского содержания он пользовался терминами, свойственными словарю естественных наук.

Современная Богданову эпоха, которую он определял как эпоху заката капиталистической формации, связана с зарождением новой, наиболее прогрессивной коллективистской политической и интеллектуальной культуры, носителем которой Богданов считал пролетариат. В области экономической новая эпоха будет связана с переходом от капиталистического хаоса к рациональной (т. е. плановой) организации хозяйства и отказом от частной собственности (который Богданов связывает с ростом коллективистского сознания). В области интеллектуальной новая эпоха будет означать растущий коллективизм познания: «Естествоиспытатель-кустарь, ведущий свою работу индивидуальными силами и на маленькие частные средства, правда, ещё существует, но это – вымирающий тип... Современные лаборатории, обсерватории, разнообразные научно-технические институты, это, в самом деле, ни что иное, как фабрики естествознания» [14, с. 39]. Рост «коллективизма» познания, необходимость вовлечения в производство научного знания будут связаны с демократизацией языка науки и создадут предпосылки для развития монистического мировоззрения. Классом, призванным стать носителем этих тенденций и объединителем человеческого знания в монистическое мировоззрение человечества, должен стать, по мере роста сознательности, пролетариат. Социализм и коллективизм, демократизация языка науки обеспечат невиданный расцвет научного знания: «Власть его (пролетариата. – А. Г.) над природой, могущество коллективной воли и коллективного знания будут развиваться с такой скоростью, которой мы себе теперь и вообразить не можем. Религиозная мечта будет превзойдена – не в мечте, а в самой действительности» [22, с. 108].

Отдельного интереса заслуживают представления Богданова о роли и значении языка как коммуникативного инструмента организации коллективной практики познания и производства: «Психика человека связывается с коллективом, приспособляется к нему посредством той сети организующих форм, которая называется “идеологией” в самом широком смысле слова, и охватывает собой язык, понятия, нормы жизни. Язык есть техническое средство общения каждой

отдельной психики со всеми другими, и следовательно – с коллективом. Понятия – это форма, в которой коллективный опыт передаётся отдельному человеку, и в которой человек организует свои познавательные приобретения, передаваемые коллективу» [14, с. 137]. Таким образом, язык, идеология, понятийные структуры выступают у Богданова тем медиатором, посредством которого обеспечивается обмен опытом, его сохранение и передача. Представляется, что дальнейшее логическое развитие этих представлений должно было привести Богданова к признанию хотя бы частичной автономности идеологической сферы, признанию её влияния на «базис» и ревизии характерного для марксизма того времени экономического детерминизма.

Пролетарская наука, пролегоменами к которой Богданов считал свою «тектологию», призвана интегрировать фрагментарное дисциплинарное знание и эзотерические дисциплинарные языки в монистическое мировоззрение. Для этого она должна будет стать максимально открытой (как в социальном, так и в интеллектуальном смысле), а её язык – доступным для понимания и предельно однозначным. Поскольку наука представляет собой наиболее совершенный способ организации человеческого опыта, в производство и распространение научного знания должны быть постепенно вовлечены все взрослые члены нового общества. Рост «коллективизма» познания приведёт постепенно к преодолению религиозных, национальных, профессиональных и даже гендерных различий. Параллельно с этим проблему укрепления единства человечества на уровне более глубинном, чем культурно-идеологический, был призван решить проект так называемого «физиологического коллективизма», ключевым методом которого должно было стать переливание крови (эксперименты с которым стали важнейшей сферой деятельности Богданова в последние годы жизни и причиной его гибели)⁵.

Политическая борьба пролетариата и развитие коллективистской культуры имеет для Богданова всемирно-историческое значение, как и для его оппонентов из ортодоксального лагеря. Однако, в отличие от них (и прежде всего от «грубого шахматиста»

Ленина, для которого вопрос о власти был центральным), главным препятствием на пути к социальному и интеллектуальному прогрессу Богданов считал не российское самодержавие и даже не всемирную политическую гегемонию буржуазии, а доминирование в культурной сфере старых форм сознания и низкий уровень идейного развития рабочего класса. Отсюда и присущий ему приоритет культурно-теоретической и просветительской работы перед партийной политикой. Важными сферами приложения интеллектуальных и организационных усилий Богданова были рабочие кружки самообразования, Каприйская партийная школа Пролеткульт, Пролетарский университет, Социалистическая академия. Политическая революция представлялась Богданову лишь инструментом, вехой – притом не самой важной – на пути к становлению нового человека и общества. Её историческое значение несоизмеримо с обновлением культуры, обретением пролетариатом культурной самостоятельности и демократизацией науки, – длительными эволюционными процессами, которые не могут быть завершены волюнтаристически, в одночасье. Более того, политическая революция под социалистическими лозунгами может стать и препятствием для достижения этих целей.

Устранившийся от активной политической деятельности и с 1910 г. работавший исключительно в научной и теоретической сфере, Богданов не принял Октябрьскую революцию (оценивая её не как пролетарскую, а как солдатскую, – т. е. связанную с наиболее архаичным, авторитарным типом политической и интеллектуальной культуры), однако воздержался от активных выступлений против неё. Подозрительное отношение новой власти к старому оппоненту, авторитет которого в кругах прогрессивных рабочих и части старых партийцев оставался исключительно высоким, едва не стоило Богданову свободы⁶, а его смерть в результате неудачного эксперимента над собой в 1928 г. многие современники сочли своевременной: можно предположить с большой вероятностью, что ему бы не удалось пережить чистки и террор 1930-х гг.

Теория и философия науки неизменно пребывали в фокусе теоретических интере-

сов Александра Богданова и находились в теснейшей связи с его проектами социально-политических преобразований. Общественный прогресс и прогресс научный для него – два аспекта одного процесса, невозможные друг без друга. Сам Богданов был практикующим учёным-медиком, однако его «визионерская биология»⁷ и порождённые ею практики (в частности, вся деятельность Института переливания крови в первые годы его существования) имели весьма мало общего с академической медициной, равно как и с клинической практикой. Не нашли его идеи и продолжателей в медицинском мире: вскоре после смерти Богданова новое руководство Института, сохраняя декларативный пиетет к его основателю, свернуло все вдохновляемые им исследовательские проекты.

Очевидным образом практическая деятельность Богданова находилась в противоречии с его теорией. Проповедник коллективизма, он не сумел сплотить вокруг себя устойчивой группы единомышленников, не создал научной или философской школы. Развивая позитивистские и сциентистские идеи лидеров эмпириокритицизма, отдавая науке несомненный приоритет перед философией, Богданов, всю жизнь (после окончания университета) пребывавший вне Академии, имел о научных практиках исключительно умозрительное представление. Его – проповедника науки – стиль мышления был сродни стилю мышления визионеров и эксцентричных философов прошлого, а ведущим (если не единственным) методом производства нового знания была «утопическая инженерия». В соответствии со знаменитым тезисом Маркса о необходимости изменять, а не описывать мир, свои теории Богданов всегда стремился воплотить в жизнь. Он никогда не работал как учёный: теории конструировались им умозрительно, а не в результате анализа и обобщения экспериментального (и вообще должным образом организованного и фиксируемого) опыта (за исключением, возможно, частных аспектов его деятельности в Институте переливания крови, само появление которого, впрочем, было результатом попытки проверки очень «сильной» и жёсткой, но исключительно умозрительной теории «физиологического коллективизма»).

Представляясь самому себе философом и учёным, призванным открыть новую, великую эпоху в науке, Богданов всю жизнь оставался в философии и в науке дилетантом; впрочем, несомненно талантливым и исключительно энергичным. Проект «пролетарской науки» представлял собой, фактически, сциентистскую коммуникативную утопию, – необходимый (и важнейший) структурный элемент утопии социальной. Ряд эвристически ценных идей, высказанных выдающимся марксистом, не был и не мог быть должным образом воспринят современным ему академическим сообществом. Биография Александра Богданова и его идеи останутся памятником эпохи, когда взрывной рост достижений науки и технологий породили почти религиозную по своему характеру веру в них, уничтожив в сознании современников границы между возможным и невозможным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Известный большевик, историк М. Н. Покровский вспоминал в 1924 г. о периоде первой русской революции: «А. А. Богданов – это был великий визирь этой державы (большевицкой фракции. – А. Г.). Поскольку он управлял непосредственно из России, тогда как Ильич до революции 1905 г. был в эмиграции, постольку Богданов больше влиял на политику партии...» [1, с. 98].

² В зависимости от политических симпатий, авторы посвящённых Богданову публицистических текстов создают то «агиографический» образ идеального революционного интеллектуала (см., например, [3]), то образ демонической фигуры, стоявшей у истоков большевистского оккультного подполья. Консервативный публицист Б. Н. Голотько, охарактеризовавший взгляды Богданова как «симбиоз политического левацкого радикализма, антихристианского богоборческого большевизма, вампиризма и оккультизма в рамках единого мировоззрения – любопытнейший феномен революционной антикультуры XX века» [4], вовсе не одинок в своих весьма эксцентричных оценках. Подробнее о конспирологических спекуляциях вокруг имени Богданова см.: [5].

³ Эмпириокритицизм представляет собой развитие позитивистской традиции философии науки («вторую волну» позитивизма). Некоторые основополагающие идеи позитивизма были унаследованы Богдановым практически в неизменном виде. Стремление синтезировать их со стоящей на существенно иных основаниях философией марксизма стало причиной не вполне осознаваемых самим Богдановым проблем в его теориях. Подробнее об этом см., например, [11].

⁴ Как современники, так и историки сходятся во мнении, что победу в борьбе Ленин одержал не благодаря победе в философской дискуссии и интеллектуальному превосходству над оппонен-

тами (на чём настаивала советская традиция истории партии), а благодаря успеху в административно-политическом противостоянии. Ожесточённая внутривнутрипартийная полемика вокруг самых, казалось бы, абстрактных вопросов философии (вызывавшая недоумение зарубежных социал-демократов), в одночасье закончилась с исключением Богданова сначала из состава расширенной редакции газеты «Пролетарий» (выполнявшей функции руководящего органа партии), а затем, в 1910 г., и из ЦК, что можно считать косвенным подтверждением того, что основным мотивом противостояния, – по крайней мере, со стороны Ленина, – были не философские разногласия, а борьба за влияние. На полемическую работу Богданова «Падение великого фетишизма: Вера и наука. Современный кризис идеологии» (1910), представлявшую собой развёрнутый ответ на «Материализм и эмпириокритицизм», Ленин не отреагировал. Подробнее см.: [18].

⁵ Подробнее об этой стороне деятельности Богданова см. вышеупомянутую книгу Н. Л. Кременцова [6].

⁶ В 1923 г. Богданов был арестован ЧК за антисоветскую деятельность, и только то, что ему удалось убедить лично допрашивавшего его старого соратника Дзержинского в абсурдности выдвинутых против него обвинений, позволило ему сохранить свободу и продолжить научную деятельность в кружке «физиологических коллективистов».

⁷ Термин *visionary biology* предложен американским историком науки Марком Адамсом применительно к деятельности английского исследователя и популяризатора науки Дж. Б. С. Хольдейна [23], а применительно к Богданову неоднократно используется Н. Л. Кременцовым в книге «Martian stranded on Earth...».

ЛИТЕРАТУРА

1. Левшин Б. В., Артизов А. Н. М. Н. Покровский о В. И. Ленине : стенограмма выступления в Институте красной профессуры 7 февраля 1924 г. // Отечественные архивы. – 1992. – № 3. – С. 97–106.
2. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – М. : Политиздат, 1968. – Т. 18. – С. 97–465.
3. Цветков А. О Марсианской крови Александра Богданова // Prime Russian Magazine. – URL: http://primerussia.ru/article_materials/396 (дата обращения: 05.02.2017).
4. Голотько Б. Н. «Вампирская революция» Александра Богданова (Малиновского). Дракулический сатанизм и оккультные тайны СССР // Православный форум апостола Андрея Первозванного. – URL: <http://cirota.ru/forum/view.php?subj=93709> (дата обращения: 12.04.2017).
5. Одесский М. П. «Физиологический коллективизм» А. А. Богданова. Наука – политика – вампирический миф // Четвёртое измерение литературы : Статьи о поэтике. – М. : РГГУ, 2011. – С. 367–377.

6. *Krementsov N.* A Martian Stranded on Earth. Alexander Bogdanov, Blood Transfusions, and Proletarian Science. – Chicago : University of Chicago press books, 2011. – 175 p.
7. *Виппер Р.* Новые направления в философии общественной науки // Мир Божий. Литературный и научно-популярный журнал для самообразования. – 1903. – № 11. – С. 57–72.
8. *Ленин В. И.* [Рец. на кн.:] А. Богданов. Краткий курс экономической науки // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – М. : Политиздат, 1967. – Т. 4. – С. 34–35.
9. *Чернов В. М.* Этика сентиментальная и этика научная // Заветы. – 1913. – № 5. – С. 85–121.
10. *Богданов А.* Основные элементы исторического взгляда на природу. – СПб., 1899. – 251 с.
11. *Степин В. С.* История и философия науки : учебник для аспирантов и соискателей учёной степени кандидата наук. – М. : Академический проект : Трикста, 2011. – 422 с.
12. *Колеров М. А.* Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». – СПб. : Алетейя, 1996. – 374 с.
13. *Колеров М. А.* Сборник «Проблемы идеализма» [1902]. История и контекст. – М. : Три квадрата, 2002. – 222 с.
14. *Богданов А. А.* Философия современного естествоиспытателя // Базаров В., Богданов А., Горький М. и др. Очерки философии коллективизма. – СПб. : Знание, 1909. – С. 35–142.
15. [Богданов А. А.] От редакции // Очерки философии коллективизма. – СПб. : Знание, 1909. – С. 3–6.
16. *Богданов А.* Эмпириомонизм : статьи по философии. – М. : С. Дороватовский и А. Чарушиков, 1904. – Т. 1. – 421 с.
17. *Богданов А.* Эмпириомонизм : статьи по философии. – М. : С. Дороватовский и А. Чарушиков, 1905. – Т. 3. – 279 с.
18. *Стейла Д.* Наука и революция: рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910). – М. : Академический проект, 2013. – 363 с. – (Философские технологии).
19. *Любутин К. Н.* Герои и еретики: Александр Богданов // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 1991. – № 1. – С. 17–46.
20. *Богданов А.* Философия живого опыта. Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. – М. : Красанд, 2010. – 272 с.
21. *Богданов А.* Наука об общественном сознании. Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах. – М. : Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. – 216 с.
22. *Богданов А.* Десятилетие отлучения от марксизма. – М. : АИРО-XX, 1995. – 243 с.
23. *Adams M. B.* Last judgment: the visionary biology of J. B. S. Haldane // Journal of the History of Biology. – 2000. – Vol. 33. – № 3. – P. 457–491.

Информация о статье

Дата поступления
25 июля 2017 г.

Дата принятия в печать
30 октября 2017 г.

Сведения об авторе

Гельвих Александр Викторович – аспирант Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

Адрес для корреспонденции: 101990, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20

E-mail: avhellwig@gmail.com

Для цитирования

Гельвих А. В. «Пролетарская наука» А. А. Богданова: коммуникативная утопия на службе утопии социальной // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 4 (16). С. 92–101. DOI: 10.25513/2312-1300.2017.4.92-101.

Article info

Received
July 25, 2017

Accepted
October 30, 2017

About the author

Gelvikh Alexander Viktorovich – graduate student of the School of History of the National Research University – Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Postal address: 20, Myasnitskaya ul., Moscow, 101990, Russia

E-mail: avhellwig@gmail.com

For citations

Gelvikh A. V. A. Bogdanov's "Proletarian Science": the Communicative Utopia as the Precondition of Social Utopia. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2017, no. 4 (16), pp. 92–101. DOI: 10.25513/2312-1300.2017.4.92-101 (in Russian).